
МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

В.В. ЕРЕМИН

кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института
экономической политики и проблем экономической безопасности
Факультета экономики и бизнеса Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации

С.А. ПОБЫВАЕВ

кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института
экономической политики и проблем экономической безопасности
Факультета экономики и бизнеса Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации

С.Н. СИЛЬВЕСТРОВ

доктор экономических наук, профессор,
директор Института экономической политики и проблем экономической
безопасности Факультета экономики и бизнеса Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ГЛОБАЛЬНОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ¹

В последние десятилетия в мире усиливаются тенденции глобальной турбулентности, выражающиеся как в росте неопределенности, нелинейности экономических процессов, так и в увеличении количества экономических и геополитических конфликтов. Авторы исследования видят в качестве одного из основных факторов усиления глобальной турбулентности давнее противоречие между потенциальными возможностями роста мирового производства, необходимостью этого роста для стимулирования положительной динамики мировой экономики и ограниченностью глобальных рынков сбыта. В данном исследовании авторы анализируют широкий набор феноменов, проблем и противоречий, связанных с ограниченностью рынков сбыта мировой экономики и являющихся факторами глобальной турбулентности. Исследуя проблему ограниченности рынков сбыта, а также генерируемых этой проблемой противоречий, таких как противостояние национальных и наднациональных институтов развития, противостояние национальных интересов и интересов транснациональных корпораций и пр., авторы формируют собственное видение возможных сценариев изменений в мироустройстве и мировой экономике.

¹ Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

Ключевые слова: экономические противоречия, геоэкономика, макроэкономическая нестабильность, консолидация капитала, глобальная турбулентность, глобальная экономика, геополитика, постиндустриальное развитие, рынки сбыта.

УДК: 339.982

EDN: UYSRNT

DOI: 10.52180/2073-6487_2025_6_86_108

Введение

Экономическая нестабильность в разных странах мира, увеличение частоты кризисных явлений в мировой экономике, ужесточение борьбы за рынки сбыта, проблемы с поиском новых путей повышения рентабельности мирового бизнеса – все это, на наш взгляд, является признаком масштабных изменений мировой экономики.

Нарастающая турбулентность, определение которой дано достаточно широким кругом исследователей, характеризуется тем, что привычные колебания системы сменяются аномалиями: устоявшиеся структуры расшатываются, разворачиваются новые процессы, результаты становятся недолговечными, а система вступает в период длительного неравновесия. Закономерности при этом исчезают [1], наблюдается преобладание нелинейных процессов, хаотичность и непредсказуемость событий, происходят резкие смены трендов и рост конфликтности [2]. Возникшая в современной мировой системе *турбулентность, с ее перманентной или периодически повторяющейся нестабильностью, амбивалентностью и неопределенностью процессов, частично контролируется действиями отдельных акторов мировой политики* [3, с. 12].

Причинами существующей ныне глобальной турбулентности выступает ряд факторов, как политического, так и экономического порядков. В данном исследовании мы намерены сосредоточиться на экономическом аспекте проблемы и выделить факторы, приведшие к наблюдаемой ныне глобальной турбулентности. С самого начала отметим, что некоторые из них достаточно сильно взаимосвязаны между собой, но, по нашему мнению, являются самостоятельными факторами, имеют своих акторов, реализующих свои интересы.

Ограниченность рынков сбыта как фактор глобальной турбулентности

Одним из основных факторов турбулентности в мировой экономике, на наш взгляд, является существующее противоречие между потенциальными возможностями производства и ограниченностью рынков сбыта. Для развития экономики в ее существующей форме капиталистической модели требуется неослабевающий рост продаж,

производства, потребления, тогда как рынки сбыта ограничены размером нашей планеты, количеством потребителей, объемом их доходов и структурой распределения этих доходов между различными группами населения. С другой стороны, именно стремление к разрешению этого противоречия является двигателем развития мировой экономики. При этом ограниченность рынков сбыта укладывается в концепцию «полного мира», сформированную Германом Дэйли и активно использовавшуюся в знаменитом докладе Римского клуба «Вперед! Капитализм, близорукость, население и разрушение планеты» [4].

Отметим, что противоречие между ростом производства и ограниченностью рынков сбыта существует столько же, сколько и сам капитализм. При этом его разрешение возможно только за счет трансформации мировой экономики, *смены ее базовой модели развития*. Несмотря на это, капиталистическая модель экономической организации существует столетиями. Причина подобного долголетия – ряд крупномасштабных событий, позволивших эффективно, хотя и временно, урегулировать проблему ограниченности рынков сбыта. Одним из таких событий явились Великие географические открытия, давшие Европе масштабный колониальный источник дешевых ресурсов и рынок сбыта, который европейские компании долгое время осваивали на условиях монополистов. Экономический импульс Великих географических открытий длился достаточно долго – более 300 лет. Его отголоски наблюдаются и в настоящее время. Кроме того, росту размера мирового рынка способствовала Первая промышленная революция.

Но с течением времени влияние этих импульсов сошло на нет, следствием чего стали повторяющиеся с частотой 7–10 лет экономические кризисы (1847 г., 1857 г., 1866 г., 1873 г., 1882 г., 1890 г., 1900 г., 1907 г., 1920 г., 1929 г.) [5, с. 270]. Они происходили, несмотря на рост производительности труда и, соответственно, определенное увеличение емкости мирового рынка под влиянием Второй промышленной революции.

Накопление отрицательной энергии кризисов, вылившееся в целый букет экономических, политических и социальных проблем, привело к войнам, распаду империй, появлению новых государств и новых рынков сбыта. Мировые войны также стали мощнейшим экономическим импульсом мирового экономического развития. Они потребовали значительного объема производства военной техники и снаряжения, уничтожили значительный объем ресурсов, привели к необходимости восстановления масштабных территорий, экономика и инфраструктура которых была разрушена боевыми действиями. Все это в совокупности значительно стимулировало спрос, производство, занятость, рост доходов населения и потребление.

На послевоенное восстановление мировой экономики наложилась необходимость разрешения парадокса Кондорсе-Эрроу – сложность, а зачастую невозможность выбора при свободном голосовании. В мировой экономике под таким голосованием подразумевается свобода торговли, а под парадоксом – вопрос о том, какие товары выпускать корпорациям при высокой степени поляризации общества: для бедных или для богатых? Решение этого парадокса произошло путем формирования достаточно многочисленного среднего класса, представляющего спрос на определенную номенклатуру товаров. При этом необходимость формирования среднего класса заставила основных владельцев капитала в большей степени делиться доходами с сотрудниками своих предприятий, что также стало резервом повышения эффективности мировой экономики. Увеличение численности представителей среднего класса позволило гомогенизировать спрос, а следовательно, унифицировать большую часть отраслей экономики, работающих на потребности среднего класса. Это, в свою очередь, облегчило реализацию национальной экономической стратегии методами государственного регулирования.

Тем не менее, как и любой другой импульс, экономический импульс, приданный мировой экономике двумя войнами и Третьей промышленной революцией, более известной как НТР, начал иссякать и при этом достаточно быстро. Первый кризис, охвативший ряд стран, включая США, Канаду, Великобританию и Бельгию, произошел уже в 1957–1958 гг. Через одиннадцать лет разразился следующий экономический кризис (1969–1970 гг.). За ним последовал кризис производства 1973 г. Через семь лет – мировой экономический кризис 1980–1982 гг. Еще через восемь лет – кризис 1990–1992 гг. [6]. Регулярные кризисы снова стали отличительной чертой капиталистической экономики.

Но затем произошло событие, позволившее отодвинуть решение части проблем, связанных с ограниченностью рынков, – распад СССР. Накопленные в СССР знания, ресурсы, технологии практически за бесценок влились в мировую экономику. А бывший советский блок стал масштабным рынком сбыта для западной продукции. Мир перестал быть биполярным. Лидером цивилизации стал конгломерат развитых стран, обозначаемый условным термином «Запад», хотя в их число входят такие страны, как Австралия, Япония и Тайвань. Некоторым исследователям даже показалось, что временам противостояний и противоречий пришел конец. Так, например, Ф. Фукуяма выразил чаяния подобного рода в своем бестселлере «Конец истории» [7].

Однако дальнейшее развитие событий продемонстрировало, что на смену проблемам эпохи глобального противостояния пришли новые проблемы, причем их характер таков, что они существуют годами и не

имеют однозначного решения. Мир вступил в полосу глобальной неопределенности, или глобальной турбулентности, – состояния, когда крайне затруднительно для политических акторов принять однозначное решение, а для экономических акторов выстроить долгосрочную стратегию развития.

Отметим, что разрешение противоречия между неограниченным ростом производства и ограниченностью рынков сбыта может решаться «с двух концов»: с одной стороны, путем расширения рынков сбыта, в том числе географически, а с другой – со стороны производства, борясь с конкурентами-производителями, в том числе посредством обеспечения доступа к новым дешевым источникам ресурсов – материальным, минеральным, квалифицированной и дешевой рабочей силы. Именно это мы видим сейчас в ожесточенной борьбе за овладение ресурсами Украины и, при благоприятном для развитых стран исходе событий, – за ресурсы России. Одновременно США и Великобритания вполне успешно решают задачу по экономическому ослаблению континентальной Европы, лишив ее дешевой энергии (российского газа).

Консолидация международного капитала

Другим весьма значимым экономическим фактором глобальной турбулентности, гораздо менее доступным взору широких масс, выступает масштабная консолидация мирового капитала. В частности, это проявляется через акционерный контроль над крупнейшими мировыми корпорациями со стороны узкого набора транснациональных финансовых холдингов (см. табл. 1).

При этом сами мировые транснациональные финансовые холдинги достаточно сильно переплетены (см. табл. 2).

Такое переплетение вложений в акционерные капиталы позволяет каждой финансовой ТНК направлять в советы директоров других финансовых ТНК своих представителей. Подобное «перекрестное опыление» дает возможность ТНК отказаться от конкуренции, выступая единым фронтом и формируя на мировом рынке крупных инвестиций ситуацию, более близкую к монополии, чем к олигополии. Подобная консолидация снимает остроту проблем ограниченности рынков сбыта для узкой группы выгодоприобретателей, переводя под их контроль наиболее прибыльные направления деятельности в мировой экономике.

Подтверждающие данный вывод более подробные исследования связей широкого массива мировых компаний через их акционерный капитал проведены швейцарским математиком Джеймсом Глаттфельдером, использовавшим методы сетевого анализа и теории сложных

Таблица 1

**Доля финансовых холдингов в акционерном капитале крупнейших
ТНК на 31 декабря 2024 г.**

Компания	Акционер, %			
	Black Rock	Vanguard	State Street	Всего
Bank of America	6,87	8,65	3,88	19,4
Apple	7,48	9,29	3,96	20,73
Amazon.com	6,5	7,77	3,44	17,71
Microsoft	7,75	9,2	3,97	20,92
Meta (признана в РФ экстремистской организацией)	7,52	8,73	3,93	20,18
Alphabet	6,51	7,31	3,41	17,23
JPMorganChase	7,39	9,74	4,55	21,68
WellsFargo	7,82	9,18	4,32	21,32
Citigroup	8,69	8,83	4,43	21,95
MorganStanley	5,9	6,83	6,9	19,63
Chevron	6,91	8,92	8,5	24,33
ConocoPhillips	8,1	9,57	5,79	23,46
Tesla	6,29	7,56	3,49	17,34
Raytheon	7,42	8,89	8,48	24,79
NorthropGrumman	7,43	8,76	9,46	25,65
Mcdonald's	7,33	9,82	4,97	22,12
BerkshireHathaway	8,25	11,06	5,36	24,67
Johnson&Johnson	8,36	9,67	5,58	23,61
Walmart	4,19	5,26	2,29	11,74

Составлено по: Yahoo finance. World Indices // Yahoo finance. <https://finance.yahoo.com/>
(дата обращения: 23.08.2025).

Таблица 2

**Доля анализируемых финансовых холдингов в акционерном капитале
друг друга на 31 декабря 2024 г.**

Компания	Акционер, %		
	BlackRock	Vanguard	StateStreet
BlackRock	6,47	8,62	4,06
Vanguard	7,64	5,61	1,15
StateStreet	8,74	12,88	4,89

Составлено по: Yahoo finance. <https://finance.yahoo.com>

систем. Его работа показала, что контроль над значительными частями глобальной экономики сосредоточен в руках небольшой группы юридических и физических лиц, образующих плотную сеть взаимосвязей, – 737 акционеров контролируют 80% стоимости всех ТНК мира, при этом 150 акционеров контролируют 40% собственности мировых ТНК [8, р. 4]. Эти факты свидетельствуют о масштабной и усиливающейся корпоративной концентрации мировой экономики.

Противоречие между международными корпоративными и национальными интересами

Географически расширяя рынки сбыта, ТНК, заходящие на территорию определенного государства, первоначально усиливают свое экономическое влияние на этой территории. Затем они стремятся конвертировать экономическое влияние в политическое, развернуть политическую систему страны от защиты национальных интересов к обслуживанию интересов ТНК [9]. Приведем цитату Н.П. Патрушева о влиянии ТНК на национальные экономики: «ТНК через прямые иностранные инвестиции внедряют новые технологии, увеличивают производительность труда. Только население не может воспользоваться этими результатами, поскольку компании навсегда вытесняют местного производителя, становясь монополистами. Выводя за границу основные объемы прибыли, лишают страны возможности увеличить свое национальное благосостояние»². Таким образом, формируя монопольную власть, ТНК подчиняют своему влиянию дополнительный рынок сбыта, игнорируя национальные интересы этого рынка.

Отметим, что деятельность ТНК в современной экономике не формирует исключительно отрицательные импульсы, способствующие росту глобальной турбулентности. Так, Альфред Чандлер выделяет среди плюсов развития ТНК эффект масштаба, согласно которому рост объемов производства до определенных размеров приводит к распределению условно постоянных издержек на растущее количество единиц продукции. В результате этого себестоимость производства единицы продукции сокращается. Чандлер указывает и на то, что, расширяя географию деятельности, ТНК распределяют риски между различными рынками и странами, уменьшая зависимость от одной территории или отрасли экономики. Компании получают доступ к новейшим научным разработкам и передовым практикам, открывая филиалы и подразделения в странах с развитым научно-

² Секретарь Совета Безопасности Российской Федерации Николай Патрушев ответил на вопросы еженедельника «Аргументы и факты» // Аргументы и факты. 11 января 2023. <http://www.scrf.gov.ru/news/allnews/3409/> (дата обращения: 23.08.2025).

техническим потенциалом. Деятельность ТНК, основанная на росте масштабов бизнеса, требует разработки эффективных управленческих структур и инструментов планирования, анализа и контроля, распространяющихся по всей экономике. Транснациональные корпорации формируют узнаваемые бренды, которые привлекают потребителей в разных регионах мира, обеспечивая стабильный спрос и лояльность клиентов. Международная деятельность позволяет ТНК быстрее реагировать на изменения рынка, осваивать новые рынки сбыта. Развитие международной сети филиалов и подразделений помогает смягчить последствия экономических кризисов, политической нестабильности и изменений законодательства отдельных государств [10].

Таким образом, деятельность транснациональных корпораций, направленная на увеличение своего влияния и, соответственно, своих доходов там, где это возможно, игнорирует национальные интересы и выступает фактором глобальной турбулентности.

Противоречие между национальными и наднациональными институтами

Еще одним экономическим фактором глобальной турбулентности выступает противоречие между национальными и наднациональными институтами. Ограниченность рынков формирует это противоречие тем, что в проблемной экономике ресурсов для поддержки высокого уровня жизни как национальных, так и наднациональных элит начинает не хватать. Формируются условия для борьбы за ресурсы. Сталкиваются национальные и наднациональные интересы.

Поспорив с Евросоюзом по поводу верховенства закона, Венгрия лишилась помощи от ЕС на сумму, превышающую 1 млрд евро³. Используя рычаги финансовой помощи, ЕС пытается оказать воздействие на внутреннюю политику Грузии⁴. Литва, оказавшись под давлением ЕС и будучи изначально энергодефицитной страной, согласилась закрыть и демонтировать Игналинскую АЭС, несмотря на то, что такое решение привело к росту стоимости электроэнергии в Литве и было невыгодным для экономического развития страны [11]. Отметим и то, что, невзирая на экономические потребности и смыслы, бюрократы руководства ЕС консолидируют страны Европы в рамках санкционного давления на Россию.

³ Венгрия потеряла €1 млрд из фондов ЕС из-за спора о верховенстве закона // РБК. <https://www.rbc.ru/politics/02/01/2025/6775d1189a79478052919590> (дата обращения: 23.08.2025).

⁴ Запад играет в «наперстки» с властями Грузии. Есть ли у Тбилиси шанс выиграть? // Российская газета. <https://rg.ru/2024/06/25/borrel-prigrozil-gruzii-lishit-ee-finansirovaniia-i-zablokirovat-put-v-es.html> (дата обращения: 23.08.2025).

Наднациональные институты стремятся к контролю мировой экономики, устанавливая собственные, обязательные для всех правила. Это, например, пандемическое соглашение и европейская система единого кода юридических лиц – Идентификатор юридического лица (*Legal Entity Identifier, (LEI)*), позволяющая идентифицировать участников финансовых операций, и тому подобные инструменты⁵. Изначально эта система создавалась для решения вполне понятных задач – борьбы с отмыванием денежных средств и для противодействия коррупции. Но в настоящее время эта система активно используется, например, для ужесточения санкционного давления на Российскую Федерацию.

Противостояние традиционалистов и постмодернистов в области экономической политики

Еще одним фактором глобальной турбулентности нам представляется противостояние традиционалистов и постмодернистов в области экономической политики. Ярким примером подобного противостояния в современных условиях являются действия Д. Трампа как традиционалиста и Дж. Байдена как представителя постмодерна. Но одним из первых этапов борьбы традиционалистов и постмодернистов стала Исламская революция в Иране еще в 1979 г. При этом традиционализм и постмодерн определяют два разных подхода к экономике, в том числе и два разных подхода к урегулированию противоречия, связанного с ограниченностью рынков сбыта.

Традиционалисты во многом выступают против чрезмерной глобализации и интеграции мировых рынков. Они поддерживают политику протекционизма, ограничения иностранных инвестиций и поддержки отечественных производителей. Задача подобного «неомеркантилизма» – ограничить «утечки» из процесса национального экономического роста, связанные с трансграничными экономическими потоками. О стимулировании экономического роста за счет транснациональных связей традиционалисты задумываются далеко не всегда (см. потери американских компаний в результате тарифной политики Д. Трампа). Акцент делается на расширении рынков сбыта путем стимулирования внутреннего потребления национальной продукции, а также на увеличении объемов ее экспорта. Фактически – это экономический передел рынков сбыта.

⁵ Код LEI в цифрах: 2024 — знаковый год // GlobalLegalEntityIdentifierFoundation. <https://www.gleif.org/ru/newsroom/blog/the-lei-in-numbers-2024-a-landmark-year> (дата обращения: 23.08.2025).

Россия, активно поддерживающая традиционные ценности, с одной стороны, выступает за интеграцию рынков (БРИКС), но, с другой – достаточно давно реализует такие стратегии, как импортозамещение, суверенная экономика. Отметим, что опора на внутренний потенциал страны, укрепление финансового суверенитета страны, усиление контроля над иностранными инвестициями в стратегические сектора экономики и другие подобные задачи, более характерные для экономического традиционализма, указаны в Стратегии национальной безопасности России, принятой в 2021 г., еще до масштабного санкционного давления на нашу страну.

В рамках подхода традиционалистов государство должно играть активную роль в регулировании экономики, поддержке стратегически важных отраслей промышленности и социальной защиты населения. Это проявляется в усилении контроля над внутренними финансовыми рынками, в налогово-бюджетной политике и вмешательстве в бизнес-процессы. Среди прочего такое поведение иностранных акторов способно создать дополнительные барьеры для российского экспорта и ужесточить конкуренцию на внутреннем рынке России за счет экспансии импорта. Отметим, что санкционное давление явного глобалиста и постмодерниста Байдена на Россию, конечно же, формировалось не в рамках стратегии традиционализма. Оно формировалось с целью нанесения стратегического поражения нашей стране, с ее возвратом в качестве источника сырья и рынка сбыта в конгломерат транснациональных экономических связей. Политика Д. Трампа более прагматична и в основном связана не столько с санкционным давлением на Россию, сколько с решением задач, связанных с переносом производства в США, снижением зависимости американской экономики от импорта, т. е. с удержанием позиций традиционализма. Прежде всего это объясняется тем, что Трамп является выразителем интересов национального (американского) капитала, они – его избирательная база, в то время как Байден – ставленник и выразитель интересов ТНК.

Экономика постмодерна во многом характеризуется следующими чертами:

1) *эмансипация экономики от государства* путем усиливающегося контроля транснациональных корпораций (ТНК) над национальными экономиками, формирование глобального финансового рынка. Эмансипация экономики сопровождается ее глобализацией, стирающей национальные черты [12]. Практически в любом крупном городе мира похожие рестораны, магазины с однотипной одеждой, одна и та же музыка, фильмы и т. п. Такая экономика позволяет противодействовать ограниченности рынков сбыта путем снижения себестоимости продукции за счет эффекта масштаба, но стремится к обезличиваю-

щей стандартизации. Насаждаемая иностранными акторами эмансипация экономики от государства представляет собой угрозу для России, так как иностранные ТНК нацелены на активное подавление отечественных конкурентов. Даже в досанкционный период времени они не были заинтересованы в развитии на территории России современных производственных технологий, так как создание дополнительного конкурента в лице России обострит для таких ТНК проблему ограниченности рынков сбыта;

2) *искусственное формирование различий*. Обезличивающая стандартизация не способствует росту потребления, необходимого для увеличения объема рынков сбыта. В целом сложившуюся в мировой экономике ситуацию достаточно хорошо охарактеризовал С. Караганов: «Главный вызов – исчерпанность современного типа хозяйствования, капитализма, основанного в первую очередь на получении прибыли, а для этого всемерно поощряется безудержное потребление товаров и услуг...» [13, с. 53].

Именно для этого стимулируется искусственное формирование различий – от противоречащего здравому смыслу придумывания новых полов человека до постоянного и ускоренного выпуска новых коллекций гаджетов, одежды, делающих старые коллекции немодными и требующими от потребителей замены на новые. Такой подход во многом приводит к тому, что интеллектуальная основа экономики постмодерна все менее и менее ограничена морально. Происходит «сужение области собственной моральной высоты» [14, с. 142]. Во многом выдуманые отличия в самоидентификации, отличия в способности показать свой статус за счет демонстративного потребления способствуют атомизации общества и тому, что экономика больше не является «непосредственной частью общества, обеспечивающей его жизнедеятельность, она... становится самостоятельной и самодостаточной системой, имея свои собственные цели, динамику и результаты» [15, с. 74].

Распространяя вышеуказанное, иностранные акторы способны оказать негативное влияние на разные сферы российской экономики – от демографии до кредитования.

3) *симуляция постиндустриального развития*. Нарождающаяся экономика постмодерна во многом основана на технологиях XX в. Двигатели внутреннего сгорания, микроэлектроника, космические аппараты – все это модернизируется, но масштабные технологические прорывы, подобные прорывам начала XX в., кардинально стимулировавшим рост мировой экономики, отсутствуют. В частности, об этом говорит в своем интервью Питер Тиль – основатель Палантир Технолоджис (*Palantir Technologies*), сетующий на то, что апогеем развития технологий стали Конкорд и миссия «Аполлон». Согласно

Питеру Тилю, в сложившейся ситуации человека как творца новых технологий должен заменить искусственный интеллект⁶. В свою очередь, созданные ИИ новые технологии, подобно двигателям внутреннего сгорания и микроэлектронике, по ожиданиям, будут стимулировать новые волны глобального спроса, роста доходов, повышения нормы прибыли, что способно на некоторое время перевести противоречия, связанные с ограниченностью рынков сбыта, в латентное состояние.

Но не является ли завышенной надежда на искусственный интеллект (ИИ) с его проблемой рекурсии обучения? Ведь увеличение объема информации, сгенерированной ИИ, приводит к тому, что последующие версии ИИ обучаются на данных, сгенерированных предыдущими версиями, накапливая ошибки. В частности, по данным Массачусетского технологического института (*Massachusetts Institute of Technology*), бизнес-проекты с искусственным интеллектом проваливаются у 95% частных предприятий⁷. Отметим и то, что для специалистов опора на искусственный интеллект может ухудшить их компетенции. Так, исследование, проведенное журналом *Ланцет*, свидетельствует о том, что врачи, после нескольких месяцев использования ИИ в своей практике, теряют навыки самостоятельной диагностики рака⁸. Ухудшение компетенций специалистов как долговременный результат делегирования их части искусственному интеллекту способно снизить эффективность функционирования экономики. При этом ошибки ИИ (как «последней надежды»), в том числе связанные с проблемой рекурсии обучения, способны ухудшить описываемую ситуацию, что для разрешения этих проблем потребует дополнительного, но по объективным причинам невозможного расширения рынков сбыта. Аналогичный эффект связан с неэффективной тратой ресурсов на внедрение ИИ в деятельность различных компаний.

Борьба традиционалистов и постмодернистов выливается в определенную борьбу между национальными элитами (яркий представитель – Дональд Трамп) и транснациональной бюрократией (яркие представители – Клаус Шваб, власти Евросоюза и т. п.), для широких

⁶ Interesting Times: A Mind-Bending Conversation with Peter Thiel // New York Times. <https://www.nytimes.com/2025/07/11/podcasts/interesting-times-a-mind-bending-conversation-with-peter-thiel.html> (дата обращения: 23.08.2025).

⁷ The GenAI Divide: State of AI in Business 2025 // Massachusetts Institute of Technology. https://mlq.ai/media/quarterly_decks/v0.1_State_of_AI_in_Business_2025_Report.pdf (дата обращения: 23.08.2025).

⁸ Endoscopist deskilling risk after exposure to artificial intelligence in colonoscopy: a multicentre, observational study // The Lancet. [https://www.thelancet.com/journals/langas/article/PIIS2468-1253\(25\)00133-5/abstract](https://www.thelancet.com/journals/langas/article/PIIS2468-1253(25)00133-5/abstract) (дата обращения: 23.08.2025).

народных масс наглядно выражающуюся в упорном продвижении в мировую повестку гендерных вопросов, массовой миграции, в применении движений, подобных BLM, для достижения политических целей [16]. Сюда же относится тарифная война, развязанная Д. Трампом, претендующая на то, чтобы перекроить мировую экономику в интересах США, пусть даже ценой инфляции и разрыва устоявшихся экономических связей. В такой ситуации экономика становится оружием.

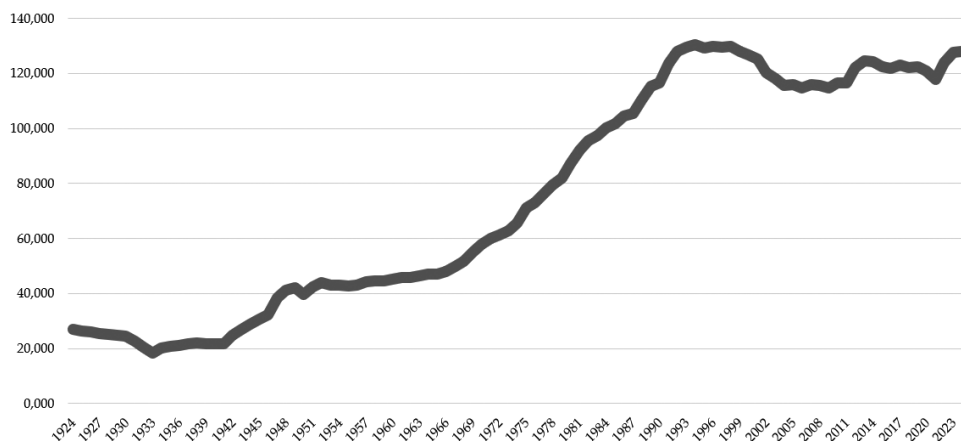
Ограниченность глобальных рынков сбыта при невозможности их быстрого расширения выводит на первый план передел этих рынков основными акторами, действующими как в рамках традиционализма, так в рамках постмодерна. Это обостряет глобальные конфликты, усиливая турбулентность мировой экономики. Ярким примером вышеуказанного выступает конфликт на Украине, в котором коллективный Запад явно поддерживает одну из сторон в надежде расширить свои экономические преимущества по окончании конфликта.

Ограничение свобод как ответ на усиление турбулентности

Отметим, что мы рассматриваем ограничение свобод прежде всего как ответ на усиление турбулентности, призванный стабилизировать ситуацию за счет некоторой «заморозки» социальной активности. Но в недалеком будущем этот ответ может трансформироваться в один из факторов турбулентности за счет нарастания социального недовольства в развитых странах мира.

Одним из последствий и немаловажных признаков нарастающих противоречий, усиливающейся глобальной турбулентности является сокращение среднего класса. Проблема ограниченности рынков формирует тенденцию нормы к прибыли к понижению в отдельных секторах экономики, иллюстрацией которой, в частности, является динамика индекса цен на отдельные товары. В качестве примера приведем индекс цен на одежду в США, остающийся неизменным последние 30 лет (см. рис. 1).

Глобальная конкуренция усиливает снижение цены товаров и следующее за этим снижение нормы прибыли их производителей. Но в сфере услуг ситуация несколько иная, так как услуги оказываются на месте и менее зависят от глобальной конкуренции. В анализируемой экономике США с 2000 по 2024 г. стоимость медицинских услуг выросла на 256%. Плата за обучение в колледже выросла на 188%. Цены на услуги детских садов выросли на 139%. При этом с 2000 г. заработная плата в США выросла на 68%. Стоимость новых автомобилей за этот период времени выросла на 24,3%. Стоимость сотовой связи сни-

Источник: Apparel priced at \$810 in 1924 → \$3,888 48 in 2025 // In 2013 dollars. <https://www.in2013dollars.com/Apparel/price-inflation/1924?amount=810> (дата обращения: 04.11.2025).

Рис. 1. Индекс цен на одежду в США, в номинальном выражении (1982–1984 гг. = 100)

зилась на 41,6%. Стоимость программного обеспечения для компьютеров снизилась на 73,5%. Стоимость игрушек снизилась на 73,8%. Стоимость телевизоров снизилась на 97,9%⁹.

Отметим и негативное мультипликативное влияние снижения нормы прибыли в одних отраслях экономики на выручку и, как следствие, – норму прибыли в других ее отраслях. Так, например, снижение нормы прибыли автопроизводителей Европы снижает их спрос на сталь, алюминиевые сплавы, пластик, стекло. В свою очередь это уменьшает объемы продаж у европейских производителей данных автокомпонентов, что снижает норму их прибыли как за счет действия операционного рычага, так и за счет механизма скидок, призванного противостоять снижению продаж. Отметим и снижение спроса всех этих предприятий на рабочую силу, следствием чего является снижение ее доходов, спроса на потребительские товары, что, в свою очередь, оказывает негативное влияние на объемы продаж и норму прибыли широкого круга производителей этих товаров.

Торможение экономического роста, снижение нормы прибыли (в особенности в ее реальном выражении) – все это оказывает негативное влияние на уровень благосостояния населения. Новые источники прибыли, генерирующие ее в течение определенного, ограниченного периода времени, как правило, монополизируются владельцами капитала. Результат – сокращение среднего класса, являющееся как

⁹ Price changes January 2000 to June 2024 // CREWS. Bank&Trust. <https://www.crews.bank/blog/charts/price-changes> (дата обращения: 04.11.2025).

Источник: Wealth by wealth percentile group // Сайт совета управляющих Федеральной резервной системы США. <https://www.federalreserve.gov/releases/z1/dataviz/dfa/distribute/chart/> (дата обращения: 23.08.2025).

Рис. 2. Доля от благосостояния всех домохозяйств США, % (II квартал текущего года ко II кварталу предыдущего года)

следствием неразрешенной проблемы ограниченности рынков, так и характеристикой усиливающейся глобальной турбулентности. Так, например, в США в настоящее время совокупное богатство 1% наиболее состоятельных граждан превышает общее совокупное богатство всего среднего класса страны (см. рис. 2).

Сокращение благосостояния и снижение уровня жизни – все это вызывает недовольство людей, повышая потребность государства в контроле над обществом. Одним из ключевых событий этого рода, которое привело к серьезным последствиям, является 11 сентября 2001 г., когда реакцией на террористические акты стало значительное ограничение свобод американского общества (см., например, Патриотический закон – *Patriot Act*). Усиление требований к безопасности на всех ее уровнях, дополнительные проверки, дополнительные расходы, равно как и ограничение свобод, – все это в определенной степени стало тормозом американской и мировой экономики. Дополнительные масштабные расходы, связанные с этими мероприятиями, внесли свою лепту в формирование бюджетного дефицита ряда стран¹⁰ и усилили участие государства в экономике. Прежде всего это касается США, но и многие страны Европы пошли по аналогичному пути, следствием чего стало дополнительное замедление их экономик, требующее дополнительного бюджетного стимулирования, провоцирующего инфляцию [17].

¹⁰ Federal Surplus or Deficit // Federal Reserve Bank of St. Louis. <https://fred.stlouisfed.org/series/FYFSD> (дата обращения: 23.08.2025).

Видимым, но не до конца осознанным широкими массами феноменом настоящего времени является и то, что в качестве инструментов противодействия недовольству масс населения ухудшением уровня жизни активно применяются цифровые инструменты усиления контроля над населением – от систем «социального рейтинга» до внедрения централизованных цифровых валют.

Амбивалентное положение Китайской народной республики

В последнее время роль стран Азиатско-Тихоокеанского региона возрастает как в экономическом, так и в политическом пространстве, оказав свое положительное влияние на отсрочку реализации противоречий, связанных с ограниченностью рынков сбыта. Но, с другой стороны, в одном из локомотивов мировой экономики – Китае – наблюдаются кризисные явления, связанные с демографической и экологической проблемами. Исследователи фиксируют ситуацию, в которой КНР достигла пика своего могущества, и ее дальнейшее развитие становится проблематичным. Такого мнения придерживается, например, Нобелевский лауреат П. Крутман, высказывая это мнение в материале с красноречивым заголовком «Стагнация с китайской спецификой»¹¹.

Ограничение технологического трансфера из США, в сочетании с недостаточным развитием по сравнению с коллективным Западом собственной фундаментальной науки, делают перспективы Китая неопределенными. Несмотря на явные достижения КНР в прикладной науке и инженерии, где зачастую удается превзойти даже развитые страны, в области фундаментальных исследований достижения Китая значительно уступают его успехам в прикладных областях. Это прекрасно понимают в руководстве страны – по этой причине еще в 2023 г. Си Цзиньпин опубликовал статью «Укрепление фундаментальных исследований для достижения высокого уровня научной и технологической самостоятельности и самоусиления»¹², речь в которой идет о необходимости развития собственной суверенной, именно фундаментальной, а не прикладной науки, чтобы в прикладных решениях КНР могла основываться на собственных достижениях, преодолевая зависимость от Запада.

¹¹ *Krugman P. Stagnation With Chinese Characteristics // Substack.* <https://paulkrugman.substack.com/p/stagnation-with-chinese-characteristics> (дата обращения: 14.11.2025).

¹² 习近平. 加强基础研究 实现高水平科技自立自强 // QSTheory. https://www.qstheory.cn/dukan/qs/2023-07/31/c_1129776375.htm (дата обращения: 14.11.2025).

Следует заметить, что эта задача, как показывает история новейшего времени, не может быть решена в рамках короткого временного промежутка. Подобного рода задача стояла и перед руководством Японии, которая демонстрировала яркие успехи в прикладной области в 60–80 годах прошлого века, основываясь на достижениях западной фундаментальной науки. Попытки выстроить собственную фундаментальную науку пока что не увенчались успехом. Европе для этого понадобились столетия, поскольку наука переднего края познания требует создания особой среды и формирования научных школ. В любом случае это дело очень небыстрое.

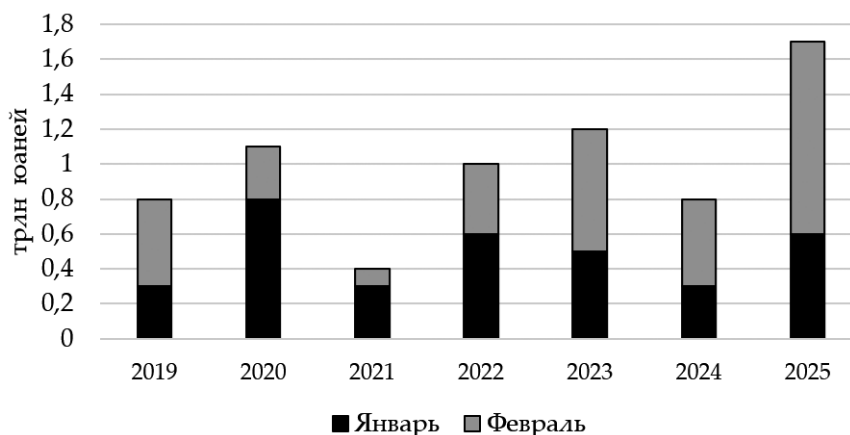
Отметим, что в рамках глобального рынка сбыта Китай является как одним из основных поставщиков товаров на этот рынок, так и одним из основных потребителей ресурсов, технологий, а в последнее время – и готовой продукции на этом рынке. Вследствие этого не только масштабный экономический кризис, но и устойчивое замедление темпов роста экономики КНР внесет свою негативную лепту в обострение мировых противоречий, связанных с ограниченностью рынков сбыта.

К вышесказанному следует добавить долговую проблему КНР. Так, кредитный рост экономики Китая, по оценкам МВФ, привел к следующим результатам. Долги муниципалитетов, связанные с развитием инфраструктуры, составляют 48% ВВП, или 60 трлн юаней. Но это только часть долга регионов Китая. К ней следует добавить прямые региональные долги (40 трлн юаней)¹³. Заккрытие и обслуживание этих долгов местные власти Китая осуществляют с помощью новых долговых заимствований – выпуска облигаций, объем которого увеличивается (см. рис. 3).

При этом госдолг Китая (сумма долга местного и центрального правительств), согласно прогнозам Фитч (*Fitch*), может вырасти до 68,3% ВВП в 2025 г. – с 60,9% в 2024 г. и 37,9% – в 2019 г.¹⁴ Усугубление закредитованности китайской экономики вполне способно оказать негативное влияние как на объемы ее производства, так и на объемы ее потребления, сократив размеры этого сектора глобального рынка, усугубляя тем самым общую проблему ограниченности рынков сбыта. Отметим, что в отличие от США китайская валюта не является свободно конвертируемой, что не позволяет Китаю перекладывать свои долговые проблемы на плечи остального мира в той мере, как это делают США за счет наращивания выраженного в долларах внешнего долга.

¹³ What you need to know about China's \$1.4 trillion debt package // Reuters. <https://www.reuters.com/markets/asia/what-you-need-know-about-chinas-14-trillion-debt-package-2024-11-10/> (дата обращения: 23.08.2025).

¹⁴ Fitch Downgrades China to 'A'; Outlook Stable // FitchRatings. <https://www.fitchratings.com/research/sovereigns/fitch-downgrades-china-to-a-outlook-stable-03-04-2025> (дата обращения: 23.08.2025).

Примечание: данные по состоянию на 21 февраля 2025 г.

Источник: China's Local Government Bond Rush Worsens Liquidity Strain // Bloomberg. <https://www.bloomberg.com/news/articles/2025-02-23/china-s-local-government-bond-rush-worsens-liquidity-strain> (дата обращения: 23.08.2025).

Рис. 3. Динамика выпуска облигаций местными органами власти Китая

Китай является одним из главных агентов мирового рынка и мирового хозяйства. Несмотря на явное стремление КНР стать одним из полюсов мира, он все же не отказывается от сотрудничества с Западом. После тарифных разногласий с США он проявляет повышенный интерес к Европейскому Союзу. Пока нет ясного ответа на вопрос, пойдет ли Китай по пути самодостаточного развития, ориентируясь во внешнеэкономических связях на страны Азиатско-Тихоокеанского региона, или сделает ставку на дальнейшее сотрудничество с Западом, которое в свое время дало импульс превращению Китая из отсталой страны в современный Китай. Нет ясного ответа и на вопрос о будущем развитии КНР, о степени устойчивости китайской экономики. Эта неопределенность является одним из факторов увеличения степени глобальной турбулентности.

Заключение

Каждый из перечисленных выше феноменов, факторов, противоречий и трендов воздействует на мировую экономику по отдельности или в сочетании друг с другом, порождая синергетический эффект. Текущая модель мировой экономики перестает работать. Новая модель неизвестна, пути трансформации текущей модели в новую модель не определены, но такая трансформация назрела.

Поскольку число воздействующих факторов весьма велико, а еще большим является число их комбинаций, то предсказать траекторию будущего развития мировой экономической системы весьма затруд-

нительно. В истории гордиев узел неразрешимых противоречий обычно разрубался мечом, т. е. противоречия снимались войной. Но современное оружие таково, что в случае войны все проблемы исчезнут. Вместе с нашей цивилизацией, а возможно, и со всем человечеством как биологическим видом. *Поэтому за рамками столь печального сценария умозрительно просматриваются два возможных сценария изменений в мироустройстве и мировой экономике, позволяющих на некоторое время снизить остроту глобальной турбулентности.*

Первый сценарий изменения мироустройства и мировой экономики, на наш взгляд, связан с возвращением к биполярной модели по линии Север–Юг в широком смысле и США–КНР в узком смысле. Может произойти политическое и экономическое «закапсулирование» этих двух крупных стран со стремлением к взаимодействию только внутри своего блока, ограничению контролируемых рынков сбыта от иностранного влияния. Нечто подобное было во времена холодной войны, но сегодня, благодаря информационным технологиям, внутриблоковое сотрудничество может быть более эффективным, чем в прошлом. Возникнет новое движение неприсоединения и борьба блоков за рост влияния в третьем мире (включая борьбу за контроль над рынками этих стран). Нельзя исключить, что в процессе блокового противостояния возникнут новые центры экономической и политической концентрации и мир станет многополярным, уйдя от биполярной модели. Возникнет новая глобализация, но глобализация не с позиции превосходства и доминирования, а с позиции учета исторических, политических, идеологических, конфессиональных, этнических и т. п. особенностей. Тогда глобальная турбулентность сегодняшнего дня может перейти в латентную фазу.

Поскольку многополярный мир будет иметь собственную архитектуру, то возникновение новых связей между полюсами, а возможно, и ускорение развития приведут к росту объемов производства товаров и услуг при одновременном росте платежеспособного спроса. И это развитие, снижающее остроту глобальной турбулентности, может продлиться достаточно долго – вплоть до возникновения нового клубка противоречий.

Второй возможный сценарий изменения мировой экономики, противодействующий турбулентности, связан с технологическим прогрессом. При этом существуют две технологии будущего, каждая из которых способна изменить быт и бытие каждого жителя Земли, на длительное время урегулировав базовые противоречия, связанные с ограниченностью рынков сбыта. Речь идет об управляемой термоядерной реакции и квантовых вычислениях. Специалисты затрудняются оценить временной промежуток, отделяющий нас от появления термоядерной промышленной установки, хотя недавно в США удалось получить пози-

тивный энергобаланс на экспериментальном термоядерном стенде. Квантовый компьютер, по консервативным прогнозам, появится через 30–40 лет, хотя первые коммерческие применения квантовых вычислений – дело ближайшего десятилетия¹⁵. Речь идет о 60–80 годах XXI века, в которые, вероятно, и будет осуществлена Четвертая промышленная революция. Ведь промышленные революции случались именно в 60–80 годы трех последних веков. Впрочем, мы не сторонники нумерологии.

Если с промышленным термоядерным процессом вектор изменений достаточно понятен и имеет явно выраженное энергетическое направление, то коммерческие применения квантовых вычислений имеют многовекторную направленность. Очевидны их применения в области фармацевтики и индустрии новых материалов¹⁶. Квантовые вычисления будут использованы в современных цифровых технологиях, таких как искусственный интеллект, Биг Дейта, Интернет вещей, нейросети и нейроинтерфейсы. При этом возможности известных технологий возрастут кратно и, скорее всего, с переходом в новое качество. Как и в случае с микроэлектроникой, возникнет огромный массив новых товаров и услуг, увеличатся объемы их производства, стимулируя доходы занятых и их платежеспособный спрос. Это расширит общую емкость рынков и на время позволит преодолеть их ограниченность, тем самым противодействуя нарастанию глобальной турбулентности.

Что касается России, то в сложившейся ситуации задача России – пользоваться выгодами глобализации, например, получая доходы от экспорта углеводородов, при этом формируя свою экономику на принципах традиционализма. Исходя из этого, России необходимо вкладывать средства в разведку новых месторождений углеводородов с высоким коэффициентом извлечения, необходимо, несмотря на санкционное давление, изыскивать пути увеличения экспорта углеводородов, пути снижения себестоимости их добычи. Это позволит нашей стране обеспечить приток средств, требующихся для развития новых технологий, способных сформировать новые глобальные рынки сбыта, и, что самое главное, – сформировать и глобально распространить российские стандарты производства по этим технологиям, так как национальный контроль над стандартами производства означает национальный контроль над рынками продукции, произведенной

¹⁵ Квантовая готовность: ждет ли бизнес новая технологическая революция // Forbes. <https://www.forbes.ru/mneniya/523766-kvantovaa-gotovnost-zdet-li-biznes-novaa-tehnologiceskaa-revolucia> (дата обращения: 01.10.2025).

¹⁶ (См. подробнее: Переход в другую эру: что изменит изобретение квантового компьютера. Электронный ресурс: <https://www.forbes.ru/brandvoice/527065-perehod-v-druguu-eru-cto-izmenit-izobretenie-kvantovogo-komp-utera> (дата обращения: 01.10.2025).

по этим стандартам, даже в том случае, когда часть этой продукции произведена за пределами Российской Федерации. Подобный подход прежде всего ориентирован не на включение России в конкурентную борьбу на существующих, ограниченных рынках сбыта с большим количеством устоявшихся, технологически развитых участников-производителей, а на поиск новых, перспективных рынков сбыта, формирующихся новыми технологиями, и на занятие на этих рынках доминирующего положения до прихода на них конкурентов из других стран. Реализация подобного подхода на практике чрезвычайно сложна, но именно она позволит России значительно сократить технологическое отставание от стран Запада и КНР.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. *Rosenau J.N. Turbulence in World Politics: A Theory of Change and Continuity.* Princeton: Princeton University Press, 1990.
2. Розов Н.С. Эпохи турбулентности и их преодоление // Полития. 2019. № 1 (92). С. 81–96. [*Rozov N.S. Epochs of turbulence and ways to overcome them // Politeia. 2019. No. 1 (92). Pp. 81–96. (In Russ.).*] DOI: 10.30570/2078-5089-2019-92-1-81-96.
3. Популях Д.С. Турбулентность в современной мировой политике: дискурсы и практика. Автореферат дисс. ... канд. полит. наук. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2016. [*Populyakh D.S. Turbulence in Contemporary World Politics: Discourses and Practice. Abstract of Cand. Sci. (Polit.) Dissertation. Moscow: Lomonosov Moscow State University, 2016. (In Russ.).*]
4. Come On! Capitalism, Short-Termism, Population, and the Destruction of the Planet / A Report of the Club of Rome/ by Ernst von Weizsecker& Anders Wijkman, co-authors in cooperation with 34 more Members of the Club of Rome prepared for the Club's 50th Anniversary. Springer Science-Business Media LLC, 2018.
5. Варга Е.С. Современный капитализм и экономические кризисы. Избранные труды. М.: Академия наук СССР, 1962. [*Varga E.S. Modern capitalism and economic crises. Selected works. M.: Academy of Sciences of the USSR, 1962. (In Russ.).*]
6. Комолов О. О. Кризисы капитализма в советской политэкономической парадигме и современность // Вестник МФЮА. 2017. № 4. С. 25–36. [*Komolov O.O. Crises of capitalism in the soviet political economy paradigm and modernity // Bulletin of the Moscow Financial Law University. 2017. No 4. Pp. 25–36. (In Russ.).*] EDN: YMECSE.
7. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: АСТ, 2011. [*Fukuyama F. The End of History and the Last Man. Moscow: AST, 2011. (In Russ.).*]
8. Vitali S., Glattfelder J.B., Battiston S. The Network of Global Corporate Control // PLoS ONE. 2011. № 6 (10). e25995. DOI: 10.1371/journal.pone.0025995.
9. Зайцев С.Ю. Взаимодействие транснациональных корпораций и государства: политологический анализ // Вестник Поволжского института управления. 2017. № 6. С. 37–45. [*Zaytsev S.Yu. Interaction of Transnational Corporations and the State: Political Analysis // Bulletin of the Volga region Institute of Administration. 2017. No. 6. Pp. 37–45. (In Russ.).*] DOI: 10.22394/1682-2358-2017-6-37-45.
10. Chandler A. Scale and Scope: The Dynamics of Industrial Capitalism. Cambridge: Belknap Press, 1994.

11. Симомян Р.Х. Экономика Литвы от советского до современного периода // Современная Европа. 2020. № 3. С. 72–82. [Simonyan R.H. Lithuanian Economy from the Soviet to the New Period // Modern Europe. 2020. No. 3. Pp. 72–82. (In Russ.).] DOI: 10.15211/soveurope320207282.
12. Румянцев М.А. Экономика общества Постмодерна: критический анализ // Христианское чтение. 2012. № 6. С. 165–181. [Rumyantsev M.A. Economy of Postmodern Society: Critical Analysis // Christian Reading. 2012. No. 6. Pp. 165–181. (In Russ.).]
13. Караганов С.А. Век войн? Статья первая // Россия в глобальной политике. 2024. Т. 22. № 1. С. 52–64. [Karaganov S.A. Century of Wars? Article One // Russia in Global Politics. 2024. Vol. 22. No. 1. Pp. 52–64. (In Russ.).] DOI: 10.31278/1810-6439-2024-22-1-52-64.
14. Бек У. Что такое глобализация? М.: Прогресс-Традиция, 2001. [Beck W. What is globalization? M.: Progress-Tradition, 2001. (In Russ.).]
15. Веселов Ю.В. Экономическая социология постмодерна // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1. № 1. С. 72–80. [Veselov Yu.V. Economic sociology of postmodernism // Journal of Sociology and Social Anthropology, 1998. Vol. 1. No. 1. Pp. 72–80. (In Russ.).]
16. Каменская Г.В. Либерализм: классика и постмодерн // Вопросы политологии. 2022. Т. 12. № 11 (87). С. 3612–3620. [Kamenskaya G.V. Liberalism: classic and postmodern // Political science issues, 2022. Vol. 12, No. 11 (87). Pp. 3612–3620. (In Russ.).] DOI: 10.35775/PSI.2022.87.11.001.
17. Перская В.В. Финансово-бюджетная политика как инструмент реализации стратегических приоритетов США // Экономика. Налоги. Право. 2023. № 16 (1). С. 22–35. [Perskaya V.V. Fiscal Policy as a Tool for Implementing US Strategic Priorities // Economics, taxes & law. 2023. No. 16 (1). Pp. 22–35. (In Russ.).] DOI: 10.26794/1999-849X-2023-16-1-22-35.

Дата поступления рукописи: 28.05.2025 г.

Дата принятия к публикации: 18.11.2025 г.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Еремин Владимир Владимирович – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института экономической политики и проблем экономической безопасности Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

ORCID: 0000-0002-2144-3543

villy9@rambler.ru

Побываев Сергей Алексеевич – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института экономической политики и проблем экономической безопасности Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия

ORCID: 0000-0002-7312-7059

sergeypob@mail.ru

Сильвестров Сергей Николаевич – доктор экономических наук, профессор, заслуженный экономист РФ, директор Института экономической политики и проблем экономической безопасности Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-7678-1283
fm.fa@yandex.ru

ABOUT THE AUTHORS

Vladimir V. Eremin – Cand. Sci. (Econ.), Leading Researcher, Institute of Economic Policy and Economic Security Problems, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-2144-3543
villy9@rambler.ru

Sergey A. Pobывaev – Cand. Sci. (Econ.), Leading Researcher, Institute of Economic Policy and Economic Security Problems, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-7312-7059
sergeypob@mail.ru

Sergey N. Silvestrov – Dr. Sci. (Econ.), Professor, Honoured Economist of the Russian Federation, Head of the Institute of Economic Policy and Economic Security Problems, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-7678-1283
fm.fa@yandex.ru

ECONOMIC FACTORS OF GLOBAL TURBULENCE

In recent decades, trends of global economic turbulence have intensified worldwide, expressed both in increased uncertainty, nonlinearity of economic processes, and the rise of economic and geopolitical conflicts. The authors of the study see one of the main factors intensifying global economic turbulence as the long-standing contradiction between the potential growth in global production, the need for this growth to stimulate positive dynamics in the global economy, and the limited availability of global sales markets. In the study, the authors analyze a wide range of phenomena, problems and contradictions associated with the limited availability of global markets, which are factors in global turbulence. By examining the problem of limited markets and the contradictions generated by this problem, such as the confrontation between national and supranational development institutions, the clash between national interests and the interests of transnational corporations and others, the authors form their own vision of possible scenarios for changes in the world order and the global economy.

Keywords: *economic contradictions, geoeconomics, macroeconomic instability, capital consolidation, global turbulence, global economy, geopolitics, post-industrial development, sales markets.*

JEL: F01, F02.